

Лидия Мастеркова завертела планетами

Легендарная нонконформистка в галерее «Кино»

Коммерсантъ - 200 г. - 24 янв. - с. 21.

В галерее «Кино» сегодня открывается выставка Лидии Мастерковой «Из Франции в Россию». Во Франции прославленная нонконформистка живет с 1975 года. На ее первой в России персональной выставке представлены новые работы художницы, в том числе графический цикл, посвященный поэтам Серебряного века. Узнать Андрея Белого, Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Гумилева и Марину Цветаеву в черно-белых окружностях пыталась ИРИНА КУЛИК.

Лидия Мастеркова по праву может считаться одной из живых легенд российского послевоенного авангарда. Родившаяся в 1927 году художница увлекалась всевозможными художественными занятиями еще с детства. Училась музыке и до сих пор считает игру на пианино существенной частью своей жизни, брала уроки драматического искусства у ближайших сподвижников са-

Лидия Мастеркова черпает вдохновение из высших сфер

мого Станиславского. Живописью Лидия Мастеркова занимается с конца 1940-х годов. А в конце 1950-х одной из первых в послевоенном российском искусстве стала делать абстракцию. В это время она присоединилась к так называемой лианозов-

ской группе — знаменитому сообществу неофициальных литераторов и художников, среди которых были Евгений Кропивницкий и его сын Лев, писавшие и стихи, и картины, а также художники Оскар Рабин, Владимир Немухин, чьей женой была

Лидия Мастеркова, Николай Вечтомов и поэты Игорь Холин, Генрих Сапгир, Ян Сатуновский и Всеволод Некрасов. По словам последнего, лианозовцы были не столько художественной группой с «манифестом», сколько «делом житейским», объединением друзей, поддерживающих друг друга в сугубо частных эстетических и духовных поисках.

Впрочем, противопоставленная официозу «домашность» лианозовцев вовсе не мешала запросто обращаться ко всяким возвышенным и патетическим духовным материям. Абстракции Лидии Мастерковой были не только интимно-лирическими, но и метафизическими, и даже мистическими. Шестидесятилетний аскетизм прекрасно уживался с роскошными фактурами коллажей, с фрагментами церковной парчи и шитья, найденными в заброшенных храмах. А уверенное обращение к тем формам абстракции, которые в то

время не были анахроничными и в международном художественном контексте, нисколько не противоречило художественному диалогу с Дионисием, Эль Греко или Данте.

Именно к Данте, по заверениям самой художницы, восходит символика окружности, уже много лет присутствующей во многих ее работах, в частности в циклах «Планеты» и «Метеориты». Вот и ее новая серия, созданная в 2004 году и выставленная в галерее «Кино», представляет этакий «парад планет». Сергеем Есенину, Марине Цветаевой, Александру Блоку, Андрею Белому и Николаю Гумилеву Лидия Мастеркова посвящает графические «мандалы» — черно-белые, рисованные мокрой тушью, абстрактные тондо, заключенные в резные коллажные рамы из белой бумаги, которые, по словам самой художницы, представляют собой нечто наподобие древних рун.

Но несмотря на всю ту почти эзотерическую духовную традицию, которая по идее должна считываться за этими работами, стильно-минималистская серия художницы вызывает скорее научные ассоциации. Черно-белые разводы туши кажутся не то рентгеновскими снимками, не то съемками NASA из космоса, запечатлевшими движение атмосферных фронтов или ландшафты далеких планет. Как и снимки, полученные при помощи мудреных телескопов, эти образы, возможно, не слишком читаемы для непосвященного, который вряд ли сможет понять, чем карта духовного ландшафта Есенина отличается от макросъемки поверхности планеты «Гумилев». Но, как и научные документы, работы Лидии Мастерковой способны убедить в объективном существовании некоей, быть может, непостижимой, но от того не менее достоверной реальности.

«Во Франции я живу тихо, как мышь»

Накануне вернисажа своей первой персоналки в России ЛИДИЯ МАСТЕРКОВА ответила на вопросы ИРИНЫ КУЛИК.

— Ваши произведения, посвященные русским поэтам, это перевод в визуальную форму самой личности поэта или особенностей его творчества — например, ритмики стиха?

— Скорее, все-таки личности. И, скажу вам откровенно, с некоторыми из этих личностей мне пришлось довольно трудно — например, с Белым; мне потребовалось немало сил, чтобы побороть его. Да и Гумилев тоже хорош...

— Почему вы выбрали именно эти имена?

— Все началось с того, что я заметила, что Цветаева, Блок и Белый по китайскому календарю родились под одним и тем же знаком — в

год Дракона. Я боюсь говорить о том, почему это для меня важно, так как вы все равно мне не поверите и я буду выглядеть идиоткой. Но однажды я увидела дракона, который приходил к нашему дому во Франции. Конечно, такие вещи можно видеть только внутренним зрением, а не простыми глазами. Так вот, он приходил, ложился около нашего дома. Огромный — хвост его был уже на кладбище, которое находится возле церкви. Все приходил и приходил. И у меня к нему было такое же чувство, как ко всем животным, — например, тем кошкам, которых мы кормим возле нашего дома. Я думаю, это как-то связано с поэтами.

— Круг — это дракон, кусающий свой хвост?

— Все — в круге. И из круга не выйдешь никуда. Все возвращаются на круги своя. Без круга ничего не может быть. Когда-то я много об этом

писала. Сейчас мне сложно все это вспомнить. Во Франции я живу тихо, как мышь, я просто работаю и мне там не до разговоров. А тут так много людей. Простите, это, конечно, очень приятно, но не так легко.

— Вы участвовали в знаменитой «бульдозерной выставке». Что вы сейчас думаете про это событие?

— Это было замечательно. Такое напряженное состояние — как будто бы вы на сцене со своими картинами стоите, совсем другое ощущение, чем на выставке в помещении.

— Сейчас многие вспоминают советское время с ностальгией и считают, что противостояние с властью было чрезвычайно благотворно для искусства. А вы как считаете?

— Мы в то время не думали о каких-то потусторонних угрозах и просто были счастливы, мы работали. У нас был свой круг.